



Пролог

В ГЛУШИ ЛАПЛАНДИИ бушевал снежный буран, сопровождаемый рёвом и визгом ветра. Огромный серый волк рыскал по льду горной реки. Почувствовав слезку, он начал лихорадочно копать. Вдруг посреди бури возник «некто». Волк обратил на него жёлтые глаза.

Этот «некто», одетый в толстую тюленью шубу, спешно приблизился, скинув по пути капюшон, и принялся очищать перчаткой лёд от снега.

Подо льдом виднелось лицо мальчика, бледное, как заледеневший цветок. «Некто» оказался девочкой. Она принялась рубить лёд топором. Лёд крошился на мелкие осколки и, смешавшись с водой, превращался в слякотное месиво. Дыхание девочки сбилось. Кристаллы колючего снега, носимого ветром, больно царапали лицо. Силы иссякли. Девочка чувствовала, что задыхается, но останавливаться было нельзя.

Пробив во льду достаточной ширины отверстие, спасительница схватила мальчика за край куртки и вытащила на лёд, словно возвращая с того света. Несмотря на то что одежда мальчика потяжелела от воды, с невероятным усилием девочка дотащила его до саней и окочевшими пальцами укутала в лежащие в санях шкуры. Замёрзшее, цве-

Пролог

та белоснежного льда лицо мальчика напоминало ледяное изваяние. Густой снегопад уже начал покрывать его толстым слоем, и глаза девочки наполнились слезами, замерзающими на щеках мальчика. Может быть, уже слишком поздно...





Глава 1

Горячая кровь

10 годами ранее

ТЕЧЕНИЕ РЕКИ периодически усиливалось. В такие моменты казалось, что лодка вот-вот опрокинется. Но у женщины, управлявшей лодкой, достаточно сил, чтобы с этим справиться. Я сидел на корме этой лодки на пути к неизвестному. Сжимал на коленях рюкзак и смотрел на небо. Яркий свет слепил мои заплаканные глаза. Я так много плакал.

Меня везли в приют для сирот. На лице женщины за вёслами не было и намёка на улыбку. Это Наава, воспитательница приюта. Наава забрала меня со станции Колари. Мне хотелось разглядеть её получше. Обычно у людей лицо имеет какой-то цвет: розовый, персиковый или коричневатый, — но лицо Наавы бесцветно. Лишь глаза чёрные.

Я перевёл взгляд на деревья, растущие вдоль реки. Листья уже окрасились в оттенки жёлтого и оранжевого цветов. Я ненавижу осень. Мёртвые листья падают на землю, и в воздухе витает скорый приход зимы. Ненавижу и зиму. У Наавы были седые волосы, как и у меня сейчас. В ночь, когда умерли мои мать и отец, мои волосы стали стального серого цвета. Забавно, что я был седым, как старик.

Я снова перевёл взгляд на гребца. В её взгляде было что-то странное. Что-то птичье. Глаза смотрели резко и оценивающе. Перед отъездом она сказала мне, что приют Канервамяки заброшен в самую глушь Лапландии, потому что воздух там кристально чистый и свежий. Но настоящая причина, конечно, кроется в том, что из этой глуши попросту не выбраться. А я хотел сбежать. Это единственная мысль, которая делала меня счастливым. Наава посмотрела на меня. Может быть, она догадывалась, о чём я думал.

— Мальчик. Есть три правила приюта, которые должен знать каждый сирота, — сказала Наава, с силой давя на вёсла. — Первое правило... — продолжила она учительским тоном, — у тебя нет родителей. Ничто больше не подвластно твоему контролю.

Я сглотнул так, что горлу стало больно. Наклонил голову над краем лодки, почти касаясь поверхности воды, которая отливала блеском. Вода была настолько прозрачной, что проглядывалась до самого дна. Я попытался разглядеть рыб.

Моё отражение заставило меня отшатнуться. Глаза смотрели в разные стороны, из носа текло. Я вспомнил родителей, и слеза скатилась по щеке и капнула в воду. Я ненавижу их! Вспомнил ту последнюю минуту. Они о чём-то спорили, а мама кричала, что не позволит мне, маленькому засранцу, испортить ей жизнь. Но они разрушили мою жизнь своей смертью. Я так их ненавижу! Зачем мы сели в этот самолёт? Папа слишком поздно заметил, что самолёт падает. Крылья и лобовое стекло самолёта покрылись толстым слоем льда. Выжил только я.

— Второе правило, — мрачно продолжила Наава. Я вздрогнул. — Ты сирота, так учись работать и заботиться о своих товарищах.

Я снял свитер и взбил его, как подушку. Закрыв глаза, провалился в бездну. Всплеск вёсел и покачивание лодки успокаивали. От лодки исходил приятный запах. Я вспомнил папину лодку, на которой играл в капитана ледокола. Потом вспомнил похороны. Я приклеил свои рисунки к бокам гробов. Коснулся рук матери и отца. Они были ледяными. Я положил розы на крышки гробов. Затем снова заплакал. Мне так их не хватает. Я закрыл заплаканное лицо руками.

Наава не заметила, что я плачу, или ей было всё равно. Она просто гребла.

— Третье и последнее правило, — услышал я её безжалостный голос. —

Ты ничего не значишь, мальчик.
Тебя никто не спасёт.

Я вытер глаза краем куртки и сел. Я был зол и хотел разозлить Нааву. Хотел показать, что в состоянии спасти себя. Я взял рюкзак и открыл его. В нём всё, что у меня было. Три вещи, оставшиеся от отца и матери: компас, карта и бинокль в футляре. Компас новый, а вот карта уже старая. Её углы стёрлись и потрескались. Футляр бинокля сделан из кожи, уже выцветшей со временем. Он пах приключениями. Футляр был открыт, и линзы бинокля напоминали глаза демона, следящего за мной из глубины.

Мы обменялись с Наавой взглядами. Я открыл карту и попытался угадать возможное местоположение. Снова представил себя капитаном огромного ледокола и проверил мас-

штаб карты по большому пальцу, как учил папа. Замкнул круг и остановился в том месте, которое казалось мне правильным.

— Никакая карта не вернёт тебя обратно к людям, — холодно сказала Наава. — Лес полон волков и медведей. Не смей покидать приют без разрешения.

Я же считал, что смогу сбежать не пойманным. Наава направила лодку к пристани. Наверное, мы прибыли. Я надел свитер, схватил рюкзак и закинул его за спину. Было волнительно. Сделав глубокий вдох, я спрыгнул на качающуюся пристань. Я шёл за Наавой шаг в шаг по деревянным мосткам, ведущим через болото.

Мы вышли на окружённую обширными холмами долину. Я хотел бы взобраться на них. Долина напоминала забытое место, скрытое от все-

го остального мира. Я уже ненавидел и это место, и мой новый дом — приют Канервамяки. Он выглядел так уродливо и страшно, отнюдь не как дом. Огромное каменное здание с множеством мрачных окон. Это скорее больница, а не дом. В нём вообще можно жить? Из трубы поднимался тонкий столб дыма.

Во дворе бегали дети, они казались младше меня. Я слышал, как они перешёптывались:

— Смотрите. Новенький.

В своих белых одеждах они напоминали ангелов, у которых не было матерей и отцов, и забрать их отсюда было некому. Мне казалось, что я уже знал их раньше. Они были так же одиноки, им было так же тоскливо и грустно. Они хотели жить по-настоящему. Иметь кого-то, кто бы заботился о них.